

Сафронова А. М. Ректор и первый учитель немецкой школы Екатеринбурга Бернгард Штермер (1735—1740) / А. М. Сафронова // Научный диалог. — 2019. — № 7. — С. 366—381. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-7-366-381.

Safronova, A. M. (2019). Rector and the First Teacher of German school of Yekaterinburg Bernhard Stermer (1735—1740). *Nauchnyi dialog*, 7: 366-381. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-7-366-381. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

УДК 371.1(091)(470.54-25)

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-7-366-381

Ректор и первый учитель немецкой школы Екатеринбурга Бернгард Штермер (1735—1740)

© Сафронова Алевтина Михайловна (2019), orcid.org/0000-0002-4692-3025, доктор исторических наук, профессор кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия), Alevtina.Safronova@gmail.com.

Рассматривается проблема найма учителя-иностранца в одну из первых иноязычных школ провинциальной России, немецкую школу Екатеринбурга, и его деятельность. Особый интерес к найму Б. Штермера объясняется тем, что перед нами редкий случай, когда в этом участвовала не только Академия наук, но и высший орган власти, Кабинет министров, а будущий учитель умело использовал открытие первой школы на Урале, в удаленном от столицы крае, для закрепления наиболее выгодных для себя условий работы. На основе воссоздания полного комплекса архивных документов, отложившихся в результате пребывания Штермера в Екатеринбурге, раскрыта его деятельность по обучению детей, формированию программы и методов обучения, написанию инструкций для их учителей. Охарактеризована его роль в выписывании учебных пособий через Академию наук. Комментируется выполнение им поручений уральского начальства по инспекции школ в 1736 году, открытых в Пермском крае, а также участие в составлении русско-латино-немецкого лексикона по заданию начальника заводов В. Н. Татищева. Показано, что жизнь Штермера в Екатеринбурге можно поделить на два периода. Продуктивные первые годы работы в условиях удаленности от столицы сменились депрессией, вылившейся в пьянство, разгульный образ жизни и вынужденные временные освобождения учителя от исполнения обязанностей.

Ключевые слова: В. Н. Татищев; Екатеринбург; немецкая школа; ректор Штермер.

1. Введение

О первых иноязычных школах, действовавших в провинции, в литературе сведения очень скудные, по сути, отсутствуют статьи, посвященные их учителям. Между тем вопрос о кадрах учителей-иностранцев, преподававших в школах, степени их приспособленности к условиям жизни в России, уровне образования и опыта преподавательской деятельности, методах обучения представляет особый интерес, ведь от этого во многом зависел результат усвоения языка учащимися. Эта проблема только начинает становиться специальным предметом исследования, см: [Сафронова, 2018а, 2018б]. В статье нам хотелось бы раскрыть деятельность первого, самого яркого преподавателя немецкой школы, открытой при Екатеринбургском заводе на 12-м году его деятельности, — Бернгарда Вильгельма Штермера, уроженца Бранденбурга.

В литературе о нем имеются краткие и не совсем верные сведения. Н. В. Нечаев отмечал, что должность ректора предусматривалась штатами школ 1735 года, «предполагалось, видимо, что это будет большой специалист, который сможет наладить работу как русских, так, особенно латинской и немецкой школ», но «нет никаких материалов о деятельности ректора по руководству работой школ» [Нечаев, 1944, с. 88]. В. Н. Будрин сообщал, что ректор отказывался просматривать ведомости об успехах учащихся школ, «для того-де, что ему до русских школ дела нет и в контракте его о том не заключено» [Будрин, 1950, с. 62]. Э. А. Пензин кратко передал условия, на которых согласился подписать контракт Штермер [Пензин, 1990, с. 18]. Н. С. Корепанов ошибочно полагал, что Татищев затребовал ректора от Генерал-берг-директориума в 1737 году и крайне негативно оценил его деятельность: Штермер «был, вероятно, самой анекдотичной фигурой раннего Екатеринбурга, но там, откуда его прислали, наверняка вздохнули с облегчением, избавясь от такого хоть на время. В Екатеринбурге Штермер только и делал, что беспричинно скандалил, напивался и гонялся с тростью за чужими дворовыми людьми» [Корепанов, 1998, с. 25; Корепанов, 2005, с. 42—43]. Нами приведены сведения о наеме учителей немецкой и латинской школ Екатеринбурга, в т. ч. и Штермера [Сафронова, 1998, с. 7—8]; охарактеризована его роль в заказах литературы из Книжной палаты Академии наук [Сафронова, 2012, с. 153, 247—249, 290—291, 310—311].

Выявленные архивные документы позволяют по-новому осветить роль Штермера как ректора и первого по уровню знаний преподавателя немецкого языка, как актора некоторых новаций, примененных в процессе обучения, как автора инструкций, адресованных учителям первых школ, дей-

ствовавших в Пермском крае. Интерес к этой личности объясняется и тем, что Штермер ранее преподавал в гимназии при Академии наук, а найм его на работу в Екатеринбурге проходил необычно, на самом высоком уровне, при участии высшего органа власти России, Кабинета министров.

2. Действия В. Н. Татищева по открытию немецкой школы и поиску учителей

При назначении Татищева начальником казенных заводов Урала и Сибири в марте 1734 года он получил от Анны Иоанновны большие полномочия, в том числе право обращаться по всем вопросам к Кабинету министров. Уже в первом доношении в Кабинет, составленном Татищевым по приезду в Екатеринбург, 9 октября 1734 года, он сообщил о намерении открыть в Екатеринбурге немецкую школу, так обосновав причину: «А понеже о всяких полезных искусствах и ремеслах на русском языке книг не находится и к скорому оных получению надежда слабая, на немецком языке и особливо о касающихся к пользе заводов книг новых в немалую государствам пользу всегда довольно издается, а переводить всегда великой труд или паче неудобность, к тому ж и немцов здесь мастеровых людей немало, которые и для того здесь долго быть не желают, что детей их обучать некому, за полезное весьма мнею, чтоб здесь языка немецкого неколико управительских и других детей обучать». Таким образом, цели открытия школы были сформулированы самые высокие, и Татищев попросил кабинет-министров прислать от Академии наук способного учителя «и неколико потребных к научению книг» [РГАДА, ф. 248, оп. 17, д. 1133, л. 27].

Доношение заслушивалось кабинет-министрами 14 декабря 1734 года, Татищеву сообщили, что «учитель и потребные к тому книги от Академии наук отправлены к вам будут» [Там же]. 16 декабря последовал указ Кабинета министров Академии о подыскании «способного искуснаго учителя» и представлении его по освидетельствовании кабинет-министрам.

20 декабря в Канцелярии Академии наук зафиксировано: президент академии И. А. Корф решил «определенного при гимназии учителя Штирмира к тому представить, понеже он по-русски говорить умеет и в немецком языке прежде сего уже обучал. Штирмир призван и спрашиван: хочет ли он ехать в Сибирь и в такой договор там вступить? Оный объявил, что не спорит, ежели б он двойное жалованье получил». Корф заявил, что «не в его воле о том договариваться, и чтоб он кондиции высокому тайному кабинету объявил; и определил, чтоб доношение в тайный кабинет изготовлено и оным объявлено было, что академии никто другой не знаем, кроме оного Штирмира, и что жалованье его поныне в 200 рублях состо-

яло. Секретарь имеет онаго Штирмира у его сиятельства господина графа Остермана в доме представить» [Материалы ..., 1885—1886, т. 2, с. 530].

О личности Бернгарда Вильгельма Штермера сведения крайне скудные. Его имя не упоминается в литературе об академической гимназии. Возможно, он стал учителем в 1726 году, в момент открытия гимназии. В реестре о выдаче жалованья за 1730 год Штермер показан среди 7 учителей гимназии в числе трех, получивших небольшую выплату и за 1729 год (18 руб. 66 2/3 коп.) [Там же, с. 49]. Можно предположить, что это была доплата за участие этих учителей в составлении немецко-латино-русского лексикона, о котором речь пойдет ниже. 23 декабря 1735 года И. А. Корф сообщил Кабинету о Штермере как единственном подходящем кандидате [РГАДА, ф. 271, оп. 1, д. 12, л. 65].

3. Заключение контракта со Штермером

Штермер не постеснялся обратиться с запросом к члену Кабинета министров А. И. Остерману: действует ли уже немецкая школа в Екатеринбурге или ее еще предстоит учредить, будут ли у него помощники, от кого зависит школа, как решится вопрос с жалованьем, квартирой, дровами, будут ли даны дополнительные суммы на проезд, на какой срок планируется заключить с ним контракт? [Там же, л. 65—66]. Сам круг вопросов — показатель желания Штермера получить как можно больше информации, чтобы с выгодой для себя использовать ее при оформлении будущего контракта. В ходе благосклонного приема будущему учителю предложили «как до сей школы, так и до собственных <...> нужд касающееся предложение учинить» [Там же].

Благодаря покровительству столь влиятельной персоны Штермер предложил заключить с ним контракт на 4 или 5 лет с жалованьем 400 руб. в год, дать «близ школы довольные покои», дрова и свечи, на проезд выдать 100 руб., жалованье на год вперед, подвод, «для охранения несколько человек салдат или <...> с надежным случаем отправить». Со своей стороны он обещался трудиться по 5 часов в день, так как «во всех немецких школах и училищах учителя в сутки не более четырех часов учат», и просил, чтобы в среду и в субботу учить лишь до обеда «по обыкновению всех европейских училищ» [Там же].

Кондиции Штермера — достоверное свидетельство его активной позиции, он определял условия контракта с наибольшей выгодой для себя. В гимназии Штермер получал 200 руб., 300 руб. имел ректор немецкого класса этой гимназии, который обещался к тому же переводить документы, копировать книги, которые печатались в академической типографии [Материалы ..., 1885—1886, т. 2, с. 641—642].

Кабинет министров через Сенат переслал кондиции Штермера Татищеву. Он возразил против бесплатных дров и свечей, поскольку «всем управителем и протчим ... отрешено»; на проезд предложил дать двухмесячное жалованье (чуть более 66 руб.), как и на обратный путь [РГАДА, ф. 271, оп. 1, кн. 12, л. 70]. Штермер в «ответствии» министрам настаивал на прежних 100 руб. и вызвался найти себе помощника за 200 руб. в год [Там же, л. 72—73]. 24 мая 1735 года Кабинет предписал Сенату отправить Штермера на Урал, заключив с ним контракт. Контракт был подписан 13 июня и в окончательном виде выглядел так.

Штермер принимался сроком на 5 лет с жалованьем 400 руб. в год, казенная квартира «поблизости от школы», учить детей по 3 часа до полудня и после, по средам и субботам — до обеда. Выдача жалованья на год в столице и еще 100 руб. на проезд с подорожной на 6 подвод, так же и на обратный путь. В случае нежелания продлить контракт Штермер обязывался объявить об этом за полгода до его окончания. По просьбе Штермера ему присваивалось звание ректора — по примеру гимназии Академии наук, где имелась такая должность [РГАДА, ф. 271, оп. 1, д. 1051, л. 94—96]. Штермер представил в качестве своего помощника в чтении и письме по-немецки выходца из Пруссии, столичного писаря Иоганна Христофора Гейнша. Сенат и с ним заключил контракт на 5 лет: жалованье 200 руб., казенная квартира, на проезд 50 руб., 2 подводы без прогонов, так же и на обратный путь [Там же].

4. Начало деятельности немецкой школы

8 ноября 1735 года состоялось торжественное открытие немецкой и латинской школ Екатеринбурга. Этому придавалось столь большое значение, что занятия посетили члены уральской канцелярии во главе с В. Н. Татищевым [РГАДА, ф. 248, оп. 17, д. 1133, л. 244]. Судя по первой ведомости, поданной Штермером в декабре 1737 года, в ноябре 1735 года в школу был зачислен 21 человек, в 1736 году — еще 19, в возрасте от 10 до 18 лет [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 694, с. 318—320]. В немецкой школе в 1735—1737 годах преподавали 3 учителя, и детей поделили на 3 класса. Первый класс вел Бернгард Штермер, здесь были собраны самые сильные по успехам учащиеся, 2-й — его помощник Иоганн Гейнш, 3-й — Антон Розе, нанятый в апреле 1735 года в Москве, бывший учитель Московской школы навигаторов, вышедший в отставку по старости.

В классе Штермера — 11 самых сильных учеников, дети горнозаводской элиты: надзирателя припасов, заводского управителя, комиссара, фискала, канцеляриста, а также племянник комиссара. В феврале 1736 года

Штермер взял к себе в класс только что вернувшихся из столицы юношей, так и не отправленных Кабинетом министров на учебу в Саксонию, как просил В. Н. Татищев: сына умершего стольника А. Теряева, горного надзирателя П. Степанова, служащего уральской канцелярии А. Кичигина. Учились у Штермера и сын учителя, новокрещенного шведа, с 1737 года — сын капитана.

В графе «кто что учит» в отношении первого по списку ученика отмечено: «немецкую грамматику всю выучил и по грамматике анализирует, Новой Завет и историю немецкую словесно переводит, також де переводит и нравоучительные стихи и по-немецки нарочито говорит»; об остальных 10 показано: «то же». В это же время ученики 2-го класса у Гейнша выучили «до половины» грамматику, разговоры, переводят Новый Завет. В 3-м классе у Розе новички, принятые в 1736 году, читают и пишут по-латыни и по-немецки, учат «немецкие разговоры и вокабулы [Там же]. Штермер играл ведущую роль в обучении, и от него как ректора исходил и порядок его организации — власти никаких предписаний в этом отношении не издавали, он делил учеников на классы, переводил из одного в другой, составлял и подавал начальству ведомости об успехах учащихся по третям года в соответствии с порядком, учрежденным Татищевым в ноябре 1736 года и по установленной форме [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 624, л. 743 об.]. Наряду с немецким языком Штермер обучал и началам религии, и истории.

5. Инспекторская поездка Штермера в Пермский край

В марте 1736 года уральское начальство приняло решение: «В Пермь, в те места, где школы учреждены, послать ректора Штермера и велеть ему школы осмотреть, в добром ли порядке ученики содержатся и определенные к ним учителя. И ежели что усмотрит непорядочное, то ему исправить и учителем дать инструкции» [Там же, л. 275]. Согласно записям в журнале о поездке, Штермер выехал 31 марта, 3 апреля вручил инструкцию для Кунгурской школы, 10 апреля — учителю при Пыскорском заводе, 15 мая — при Егошихинском [Там же, л. 342]. Штермер хорошо владел русским языком, имел опыт школьного обучения и сумел составить неплохую «Инструкцию, как учителем в русских школах поступать и содержать должно» из 17 пунктов [Там же, л. 352 об.—355]. Устанавливались часы пребывания в школе, порядок обучения, излагались требования к личности учителя, к гигиене школьников, посещению церкви. Штермер собрал первые ведомости учителей об успехах учащихся, принял их доношения с требованием присылки казенных учебных пособий, бумаги. Штермеру пришлось преодолеть значительные расстояния, более тысячи верст, при-

чем в условиях распутицы. Судя по журналу его поездки, на Егошихе ему пришлось задержаться «за распутием и большими водами, понеже малыми речками все мосты з дорог водою сняло», по дороге на Екатеринбург начались «шалости башкирския», и Штермер вернулся лишь к 24 июня [Там же, л. 357, 371 об.].

6. Контроль за учителями немецкой школы

Как ректор немецкой школы Штермер контролировал работу И. Гейнша и А. Розе, с последним у него возникали постоянные трения. Когда в проекте нового контракта Розе увидел пункт об обучении «данных ему учеников <...> под смотрением ректора», то категорически выступил против, пояснив, что поэтому предварительно и просил «дать особливую светлицу, в которой я обязался и без команды ректорской своих учеников своею методою не хуже ректорского содержать и обучать. Ибо я ныне, хотя пред товарищами своими и уничтожен [из-за низкого оклада в 100 руб. — А. С.], однако старее их служил, и мне от одного ректора перенимать нечего, но от его непристойной и лишней команды, в чем он себя только отказывает, а не пользу учеников иссчит, делаются в учении только разные непорядки и оstonовки, о чем я и не один известен. Ежели же от представленных моих господ командиров что повелено будет, оное всегда готов со всякою моею покорностию исполнять. Ежели ж и от ректора пристойного что объявлено будет, готов також не только то исполнить, но и в протчем его почитать, как и прежде почитал. И о многом, которое к его чести принадлежало, я ему репортовал и докладывал, в чем он и сам запереться не может».

В случае сохранения пункта о подчинении ректору Розе грозил покинуть работу в другом месте, но, получив согласие на отъезд от начальства, заявил, что всеми пунктами контракта «доволен» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 624, л. 285—285 об.]. Ясно, что Штермер выдвигал свои требования к учителям, в частности, в отношении ведения занятий по своей методике, но, видимо, делал это порой в грубой форме. 28 июля 1737 года Розе скоропостижно скончался [Там же, д. 691, с. 66]. Штермер стал вести его класс до обеда с помощью своих учеников, а после обеда — Гейнш [Там же, д. 692, с. 522]. В декабре 1737 года скончался и Гейнш. Начальство отправило запрос по поводу нового учителя Татищеву в Самару, куда он выехал в июне 1737 года в связи с назначением главой Оренбургской экспедиции. Поскольку Штермер доносил, «что ему немалого числа учеников одному без помощников обучать не можно», начальство предписало временно взять ему в помощники к себе кого-нибудь из учеников, «кого за способнее изберет» [Там же, д. 691, с. 353—355]. Только в апреле 1738 года в Сама-

ре Татищев заключил контракт о 3-хлетней службе с Андреем Миссетом, прибывшим в Екатеринбург в июне и поступившим «под смотрение ректора Штермера» [Там же, д. 762, с. 149].

7. Заказы учебной литературы и методы обучения

Еще в ходе переговоров о заключении контракта в Петербурге Штермер составил заявку на книги для предполагаемых 50 учеников: заказал «50 немецких и латинских азбук, 50 вокабуляриев немецких с руским, 50 грамматик немецких с руским, 25 лексиконов немецких с руским, 25 Новых Заветов немецких, 10 книг Фрейэровых Введении в историю» [РГАДА, ф. 271, оп. 1, д. 12, л. 10]. Ясно, что он намеревался обучать одновременно началам немецкого и латинского языков, грамматике, переводам с немецкого на русский язык (для чего заказывались словари), основам религии и истории. И мнение Штермера было учтено при выполнении заказа, не оказалось лишь книг «Фрейеровых» [Сафронова, 2012, с. 153].

Лишь по инициативе Штермера могло появиться в указе Сената, изданном в связи с заключением контракта, такое предписание Коммерц-коллегии: «Ведомости и Примечани[я] немецкие с переводом на руском языке с 728-му по 735 год по одному экземпляру из Академи[и] наук отдать ему, Штермеру» [РГАДА, ф. 271, оп. 1, д. 1051, л. 95 об.]. И газета «Санктпетербургские ведомости», и первый научно-популярный журнал России «Примечания к Ведомостям», издаваемые Академией наук, прибыли со Штермером в Екатеринбург.

Не случайно именно ректору в январе 1736 года В. Н. Татищев поручил составить первую официальную заявку в Академию наук на книги для формировавшейся в Екатеринбурге библиотеки горного ведомства. Одновременно для немецкой школы Штермер заказал 9 книг, начальство оставило в списке 5, они поступили из Академии наук в июле 1737 года [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 624, л. 18 об., 24—24 об.]. Это пособия немецких авторов XVII века, пользовавшиеся большой популярностью в школах Западной Европы: пособие по синтаксису немецкого языка Х. Шпеция (Нюрнберг, 1729); книга преподавателя гимназии И. Г. Сейболда «*Officina Scholastica*», в которой имелось более 400 статей о природных, домашних, гражданских, политических и духовных делах (Нюрнберг, 1698); его же «*Officina Virtutum*», «Школа добродетелей», — наставление по нравственному воспитанию молодежи посредством 186 кратких «аргументов», прививающих добродетели, и вторая часть, состоящая из 157 «аргументов», призванных уберечь детей от пороков (Нюрнберг, 1725). По пособию Т. Франка «Краткое описание четырех монархий» (Нюрнберг, 1727) изучали историю

во многих школах Западной Европы и России [СОКМ II, № 159, 156—158, 72]. «Орбис пиктус» — это иллюстрированная детская энциклопедия выдающегося чешского педагога Яна Амоса Коменского (1592—1670), содержащая 150 кратких статей с рисунками о природе, географии, растениях, животных, человеческом теле, деятельности человека, общественной жизни на латинском и немецком языках, идентифицированная нами по одному из списков книг Екатеринбургской библиотеки 1739 года (Нюрнберг, 1732).

Еще до поступления изданий, заказанных в январе 1736 года, в марте Штермер затребовал по 50 экземпляров грамматик немецкого языка, Библий малого формата, изданных в Галле специально для учащихся; «немецких и российских разговоров»; 10 книг Фреера по истории, 4 экземпляра «Менантовы показательства к письмам» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 624, л. 253—254]. Но эта заявка была отвергнута начальством: «о книгах <...> немецких прежде в Академию писано» [Там же, д. 693, л. 30].

В ноябре 1737 года Б. Штермер снова заказал по 50 немецко-русских грамматик, разговорников, больших немецких Библий, 20 экземпляров географии И. Гюбнера, 10 атласов, состоявших из 18 ландкарт, по 3 календаря на 1738-й год на немецком и русском языках, по 3 экземпляра книг: «Вензова. Политической ритор», «от Бидерманова», «от патриотова», «от мудрой прорицательницы», «от аглинского надзирателя» (с припиской: «сколько донныне издано и достать можно»). Штермер заказал и по экземпляру «от всех авторов школьных по-немецки своими исследованиями и речами, Кнолова или инаго другаго изрядного автора перевод»; комплекты «Санктпетербургских ведомостей» и «Примечаний» к ним на русском и немецком языках «от 1733 до 1738 сполна», «новейшия росписи книг», то есть комплекты газет и журналов и каталоги книг, издаваемых в типографии Академии наук [Там же, д. 691, л. 307]. Это был самый большой заказ литературы за весь период деятельности горнозаводских школ, ни один учитель не решался просить так много. Характерна приписка Штермера в конце документа: «Ежели и еще иные немецкие ш[к]ольные книги при Академии наук изданы, то можно от всякого издания по 20 экземпляров прислать» [Там же].

Копии с заказов Штермера и учителя латинской школы Кондратовича были отправлены Татищеву в Самару, и благодаря этому Екатеринбургская библиотека была пополнена по меньшей мере 266 изданиями с учетом конволютов. Татищев в декабре 1737 года переслал книги, заказанные в свое время главой Оренбургской комиссии И. Кириловым для школ будущего города Оренбурга, который ему надо было построить, в Екатеринбург, где

школы уже действовали см.: [Сафронова, 2012, с. 308—327, 348]. Таким образом, можно считать, что Штермер активно выполнял роль заказчика литературы для учащихся немецкой школы.

В августе 1738 года Штермер подал доношение начальству: «Имеется ныне при немецкой школе учеников дватцать семь человек, которые пишут Разговоры, Фестибулы и протчие книги, и на оные книги надлежит бумаги первого нумера — одну стопу (480 листов. — *А. С.*), втораго нумера — одну же стопу, картузной — две дести (24 листа. — *А. С.*), да чернильниц пятнатцать муравленных с песошницами» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 762, с. 74]. Ясно, что учащиеся копировали текст изучаемых изданий и изготавливали рукописные книги, по ним заучивали материал. Эти книги являлись собственностью учеников, и таким образом школа становилась своеобразным рассадником знаний, могущих усваиваться другими членами семьи, посторонними лицами, желающими овладеть немецким языком.

8. Участие Штермера в составлении русско-латино-немецкого словаря

Татищев задумал подготовить силами учителей иноязычных школ русско-латино-немецкий лексикон. «Немецко-латинский и русский лексикон» Э. Вейсмана, изданный Академией наук в 1731 году, 25 экземпляров которого было приобретено для екатеринбургских школ в 1735 году, пользовался широкой популярностью, но в нем не русские слова являлись главными. Работа над словарем велась негласно, уральское начальство впервые узнало об этом 1 июля 1736 года от Кондратовича, см.: [Сафронова, 2012, С. 3—7; Сафронова, 2018, с. 227—230]. Информация об участии Штермера в этой работе имела только в прошении Кондратовича о выдаче награждения за переводческую деятельность, поданном в Академию наук в июне 1737 года «...собрал я различные лексиконы <...> и больший лексикон русско-латинский и вместе сводил с лексиконом г-на ректора Штермера» [Материалы ..., т. 3, с. 418].

Впервые сведения о Штермере как составителе словаря появились в монографии К. Грау [Grau, 1963, с. 135—136]. Он ознакомился с черновым и беловым экземплярами словаря в отделе рукописей Библиотеки Академии наук СССР. Сообщил, что эти варианты Штермер вывез из Екатеринбурга в Тобольск, куда отправился учительствовать, и умер в феврале 1741 года, а профессор Академии наук Герхард Миллер (покинувший Тобольск 21 марта. — *А. С.*) купил у вдовы Штермера эти варианты словаря. Грау посчитал, что автором словаря был Штермер, начавший его составлять еще в 1729 году. Просмотрев лишь начало рукописи, Грау отметил,

что почти на каждой странице можно найти приписки, сделанные рукой Татищева, и это свидетельствует о тесной работе ученого со Штермером [Там же]. Вероятно, на мнение Грау повлияла и надпись на первом листе лексикона: «Лексикон Российской, начатой в Екатеринбурге учителем Штермером при покойном Василии Никитиче Татищеве, что доказывается его собственной руки правками» [НИОР БАН, 17. 2. 1].

Между тем в Санкт-Петербурге Штермер как учитель гимназии работал над словарем, готовившимся силами Академии наук. Составителю Э. Вейсману активно помогали как переводчики, так и учителя гимназии. Это ясно из приказа академического начальства (январь 1729 года): «Господа переводчики!... начатый здесь лексикон оканчивать в немедленном времени: того ради, извольте оной лексикон каждому в своей квартире сочинять и в собрании вас всех читать, как скоро возможно» [Материалы ..., 1885—1886, т. 1, с. 439]. В апреле Штермеру был «отдан новосочиненный лексикон <...> для сочинения на оный российского резстра» [Там же, с. 486]. Таким образом, Штермер, будучи учителем академической гимназии, получил тогда первый опыт подобной работы.

Но просмотр рукописей словаря — 1418 страниц чернового варианта и 940 белого — свидетельствует, что Татищев видел лишь начало рукописи, на буквы «А—В», и внес многочисленные приписки к словам на эти три буквы. Текстологический анализ рукописей приводит к выводу, что русские слова и многие латинские вписывали копиисты, трудившиеся над перепиской черновых переводов книг, выполняемых учителем латинской школы К. Кондратовичем для Татищева, о чем последний сообщал начальству [Сафронова, 2018, с. 228]. Своими руками вписывали слова и Кондратович, и Штермер, и учитель латинской школы Л. Сехтинг — их почерки, известные нам по документам ГАСО, хорошо узнаваемы. Словарь не был завершен, обрывался на букве «П». Кондратович летом 1738 года приступил к составлению другого словаря, латино-немецко-русского. Вероятно, это было связано с увлечением Штермера алкоголем, изменившим его поведение и отношение к своим обязанностям. Возникает вопрос, как удалось Штермеру вывезти в Тобольск словарь, являвшийся плодом коллективного труда учителей иноязычных школ? Ответа на него мы не знаем.

9. Второй период деятельности Штермера в Екатеринбурге

После отъезда Татищева в Самару в июне 1737 года Штермер стал не воздержан в приеме алкоголя, начал пропускать занятия в школе; буянить, приходя в школу во время занятий других учителей и заходя в квартиры

своих земляков. Несколько раз Штермеру делали внушения, приглашая на заседания канцелярии, удерживали выдачу жалованья, секретарь канцелярии Аристов подавал на Штермера в суд «за битье и бесчестие» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 762, с. 175, 221—222; оп. 12, д. 266, с. 308—309]. С 1 сентября 1738 года Штермер был официально отстранен от занятий в школе до прихода в нормальное состояние, а ученики его переданы на время А. Миссету [Там же, оп. 1, д. 762, с. 175].

В марте 1739 года начальству поступило три жалобы на Штермера. Миссет сообщал, что он снова пьянствует, в школу не ходит, а когда придет, учеников «посылает за своим делом». Через неделю Штермер угрожал зарубить шпагой беременную жену Миссета, и она преждевременно родила мертвого ребенка. Надзиратель школ Н. Бахорев доносил, что Штермер в школу ходит редко «и с учениками непорядочно поступает, бранит и бьет, а за что и сам не знает» [РГАДА, ф. 271, оп. 1, д. 1075, л. 201—202 об.].

5 апреля 1739 года начальство решило держать ректора под караулом, «пьянствовать ни тайно, ни явно, також и до школ за помешанием ума ево не допускать, и школьников велеть обучать учителю Миссету» [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 267, с. 46—47]. Через 3 месяца содержания Штермера под караулом в помещении школы, 6 июля 1739 года, начальство постановило: поскольку ректор «состоит ныне в трезвости, пьянства и шалости нет <...> быть у прежней ево школьной должности» с половинным жалованьем [Там же, д. 270, с. 95]. Извещенный о «непристойном поведении» Штермера Генерал-берг-директориум указом от 6 июня 1739 года предписал: Штермеру объявить с подпискою, что он через полгода будет уволен, все сделать по контракту, взять с него расписку, что впредь челобитья подавать не будет, расписку прислать в директориум [РГАДА, ф. 271, оп. 1, д. 1075, л. 193—194 об.]. 25 сентября 1739 года Штермеру объявлено о предстоящем увольнении, взята расписка, посланы указы о выдаче жалованья. Но Штермер за жалованьем не являлся, объявив себя больным, получил его на руки 2 мая 1740 года. Затягивал и с отъездом из Екатеринбурга, 7 августа дал подписку о выезде в Санкт-Петербург [Там же, л. 197—198], но выехал в город Тобольск, центр Сибирской губернии, где учительствовал до февраля 1741 года, о чем свидетельствовал профессор Академии наук Герхард Миллер, а немецкий историк К. Грау ввел данные об этом в научный оборот [Grau, 1963, S. 135—136]. По-видимому, Штермер исходил из того, что в Тобольске ему легче найти применение в качестве учителя, чем в Петербурге, и возможности получать высокое жалованье в отсутствии конкуренции вдали от столицы гораздо шире.

10. Выводы

Б. Штермер, нанятый учителем первой немецкой школы Екатеринбурга через Академию наук и Кабинет министров, имел большой опыт преподавания в академической гимназии, возможно, ранее преподавал и в одной из школ Пруссии. Этот опыт работы, прекрасное владение русским языком, должность ректора, возвысившая его среди учителей-иностранцев Екатеринбурга, позволили Штермеру сыграть важную роль в организации обучения немецкому языку в Екатеринбурге. Он сам успешно обучал в высшем классе немецкой школы в основном детей представителей горнозаводской администрации этому языку, основам религии и истории, определял методику обучения немецкому языку, ввел обучение началам латыни. Как ректор, распределял детей по классам и контролировал процесс обучения младшими учителями, после их смерти сам вел их классы с помощью наиболее подготовленных учащихся. Практиковал составление учебных пособий школьниками путем копирования печатных изданий, которые становились их собственностью. Проявлял большую активность в выписывании пособий, газет и журналов из Академии наук, при этом показал хорошее знание учебной литературы, используемой в школах Западной Европы и издававшейся в Академии наук. По заданию уральского начальства совершил инспекторскую поездку в Кунгур, на Егошихинский и Пыскорский заводы и составил инструкции для их учителей. Участвовал в составлении русско-латино-немецкого лексикона в Екатеринбурге. Поэтому неправомерно распространять на все годы деятельности Штермера в Екатеринбурге увлечение алкоголем и совершение непорядочных поступков. В первый период деятельности, в 1735—1737 годах, Штермер играл ведущую роль в организации обучения немецкому языку, и его заслуженно можно считать внесшим определенный вклад в развитие образования в Екатеринбурге, в формирование состава пособий иноязычных школ и библиотеки горного ведомства. Несомненно, Штермера можно причислить к акторам образовательного процесса.

Источники и принятые сокращения

1. ГАСО — *Государственный архив Свердловской области*. Ф. 24 (Уральское горное управление).
2. *Материалы для истории Императорской Академии наук*. — Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии наук, 1885—1886. — Т. 1—3.
3. НИОР БАН — *Научно-исследовательский отдел рукописей Библиотеки Российской академии наук*.
4. РГАДА — *Российский государственный архив древних актов*. Ф. 248 (Сенат и его учреждения); Ф. 271 (Берг-коллегия).

5. СОКМ II (Раздел II) — *Каталог* книг В. Н. Татищева и первой библиотеки Екатеринбурга в фондах Свердловского областного краеведческого музея / сост. А. М. Сафронова, В. Н. Оносова. — Екатеринбург : Уральский университет, 2005. — 358 с.

Литература

1. Будрин В. Н. Горнозаводские школы Урала в XVIII и в начале XIX в. / В. Н. Будрин // Материалы второй научной конференций по истории Екатеринбурга-Свердловска. — Свердловск, 1950. — С. 45—98.

2. Корепанов Н. С. В раннем Екатеринбурге (1723—1781) / Н. С. Корепанов. — Екатеринбург : Банк культурной информации, 1998. — 102 с.

3. Корепанов Н. С. Первый век Екатеринбурга / Н. С. Корепанов. — Екатеринбург : Банк культурной информации, 2005. — 274 с.

4. Нечаев Н. В. Школы при горных заводах Урала в первой половине XVIII столетия / Н. В. Нечаев. — Москва : Гудок, 1944. — 120 с.

5. Пензин Э. А. Первые иноязычные школы Екатеринбурга / Э. А. Пензин // Народное образование на Урале в XVIII — начала XX в. : сборник научных трудов. — Свердловск : УрГУ, 1990. — С. 13—30.

6. Сафронова А. М. В. Н. Татищев и организация первой латинской школы в Екатеринбурге [Электронный ресурс] / А. М. Сафронова. — Екатеринбург : Уральский университет, 2018. — 290 с. — Режим доступа : <http://hdl.handle.net/10995/66611>.

7. Сафронова А. М. Первая школа Екатеринбурга (1735—1741 гг.): учителя, программы, методы обучения / А. М. Сафронова // Педагогическое образование в России. — 2018. — № 11. — С. 12—18.

8. Сафронова А. М. Проекты В. Н. Татищева по составлению языковых лексиконов / А. М. Сафронова // Девятые Татищевские чтения : материалы Всероссийской научно-практической конференции, 19—20 апреля 2012 г. — Екатеринбург : УМЦ УПИ, 2012. — С. 3—7.

9. Сафронова А. М. Роль В. Н. Татищева в открытии первых иноязычных школ на Урале и формировании кадров их учителей (1734—1739) / А. М. Сафронова // История образования и культуры Урала : межвузовский сборник научных трудов. — Екатеринбург, 1998. — С. 3—17.

10. Сафронова А. М. В. Н. Татищев и библиотеки раннего Екатеринбурга: опыт исторической реконструкции / А. М. Сафронова. — Екатеринбург : Уральский университет, 2011. — 552 с.

11. Grau C. Der Wirtschaftsorganisator, Staatsmann und Wissenschaftler Wasilij N. Tatišev (1686—1750) / C. Grau. — Berlin : Akademie-Verlag, 1963. — 227 S.

Rector and the First Teacher of German school of Yekaterinburg Bernhard Stermer (1735—1740)

© Alevtina M. Safronova (2019), orcid.org/0000-0002-4692-3025, Doctor of History, professor, Department of Documentation Science, Archival Science and History of State Management, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia), Alevtina.Safronova@gmail.com.

The problem of hiring a foreign teacher in one of the first foreign language schools of provincial Russia, the German school of Yekaterinburg, and his activities is considered. The particular interest in hiring B. Stermer is explained by the fact that it is a rare case of participation not only of the Academy of Sciences, but also of the Supreme authority, the Cabinet of Ministers, and the future teacher skillfully used the opening of the first school in the Urals, a remote region from the capital, to consolidate the most favorable working conditions. On the basis of a reconstruction of the full complex of archival documents deposited in the result of Stermer's stay in Yekaterinburg, his activities on training children, the development of the program and teaching methods, writing instruction for teachers are revealed. His role in getting textbooks through the Academy of Sciences is characterized. The article comments on the implementation of the orders of the Ural authorities on the inspection in 1736 of schools, opened in the Perm region, as well as participation in the preparation of the Russian-Latin-German lexicon on the instructions of the head of the plants V. N. Tatishchev. It is shown that Stermer's life in Yekaterinburg can be divided into two periods. Productive first years of work in the conditions of remoteness from the capital were replaced by depression, which resulted in drunkenness, rampant lifestyle and forced temporary release of the teacher from duty.

Key words: V. N. Tatishchev; Ekaterinburg; German school; rector Stermer.

Material resources

- GASO — *Gosudarstvennyy arkhiv Sverdlovskoy oblasti. F. 24 (Uralskoye gornoye upravleniye)*. (In Russ.).
- Materialy dlya istorii Imperatorskoy Akademii nauk. (1885—1886). 1—3. Sankt-Peterburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk. (In Russ.).
- NIOR BAM — *Nauchno-issledovatel'skiy otdel rukopisey Biblioteki Rossiyskoy akademii nauk*. (In Russ.).
- RGADA — *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov. F. 248 (Senat i yego uchrezhdeniya); F. 271 (Berg-kollegiya)*. (In Russ.).
- SOKM II (Razdel II) — Safronova, A. M., Onosova, V. N. (eds). (2005). *Katalog knig V. N. Tatishcheva i pervoy biblioteki Yekaterinburga v fondakh Sverdlovskogo oblastnogo krayevedcheskogo muzeya*. Yekaterinburg: Uralskiy universitet. (In Russ.).

References

- Budrin, V. N. (1950). Gornozavodskiye shkoly Urala v XVIII i v nachale XIX v. In: *Materialy vtoroy nauchnoy konferentsiy po istorii Yekaterinburg-Sverdlovskaya*. Sverdlovsk. 45—98. (In Russ.).

- Grau, C. (1963). *Der Wirtschaftsorganisator, Staatsmann und Wissenschaftler Wasilij N. Tatiščev (1686—1750)*. Berlin: Akademie-Verlag. (In Germ.).
- Korepanov, N. S. (1998). *V rannem Yekaterinburge (1723—1781)*. Yekaterinburg: Bank kulturnoy informatsii. (In Russ.).
- Korepanov, N. S. (2005.). *Pervyy vek Yekaterinburga*. Yekaterinburg: Bank kulturnoy informatsii. (In Russ.).
- Nechaev, N. V. (1944). *Shkoly pri gornykh zavodakh Urala v pervoy polovine XVIII stoletiya*. Moskva: Gudok. (In Russ.).
- Penzin, E. A. (1990). Pervyye inoyazychnyye shkoly Yekaterinburga. In: *Narodnoye obrazovaniye na Urale v XVIII — nachala XX v.* Sverdlovsk: UrGU. 13—30. (In Russ.).
- Safronova, A. M. (1998). Rol' V. N. Tatishcheva v otkrytii pervykh inoyazychnykh shkol na Urale i formirovanii kadrov ikh uchiteley (1734—1739). In: *Istoriya obrazovaniya i kultury Urala*. Yekaterinburg. 3—17. (In Russ.).
- Safronova, A. M. (2011). *V. N. Tatishchev i biblioteki rannego Yekaterinburga: opyt istoricheskoy rekonstruktsii*. Yekaterinburg: Uralskiy universitet. (In Russ.).
- Safronova, A. M. (2012). Projekty V. N. Tatishcheva po sostavleniyu yazykovykh lektsionov. In: *Devyatye Tatishchevskiy chteniya: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 19—20 aprelya 2012 g.* Yekaterinburg: UMTs UPI. 3—7. (In Russ.).
- Safronova, A. M. (2018). Pervaya shkola Yekaterinburga (1735—1741 gg.): uchitelya, programmy, metody obucheniya. *Pedagogicheskoye obrazovaniye v Rossii, II*: 12—18. (In Russ.).
- Safronova, A. M. (2018). *V. N. Tatishchev i organizatsiya pervoy latinskoy shkoly v Yekaterinburge*. Yekaterinburg: Uralskiy universitet. Available at: <http://hdl.handle.net/10995/66611>. (In Russ.).